

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Изящное искусство
смерти

Инспектор мертвых

Властелин ночи

ДЭВИД МОРРЕЛЛ

СПИСПЕКТОР
МЕРТВЫХ

Санкт-Петербург

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44
М 80

David Morrell
INSPECTOR OF THE DEAD
Copyright © 2015 by Morrell Enterprises, Inc.
This edition published by arrangement with Little, Brown, and
Company, New York, New York, USA.
All rights reserved

Перевод с английского
Сергея Удалина, Марии Акимовой
Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Моррелл Д.

М 80 Инспектор мертвых : роман / Дэвид Моррелл ; пер.
с англ. С. Удалина, М. Акимовой. — СПб. : Азбука, Аз-
бука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Звезды мирового де-
тектива).

ISBN 978-5-389-15333-2

Томас Де Квинси, автор скандальных произведений «Ис-
поведь англичанина, употреблявшего опиум» и «Убийство как
одно из изящных искусств», обладает феноменальной про-
ницательностью. Он помог лондонской полиции разоблачить
опасного преступника и сорвать его замыслы. Теперь Томас и
его дочь Эмили собираются домой, в Эдинбург, чем несказанно
радуют министра внутренних дел Британии лорда Палмерстона,
опасающегося, что писатель мог в ходе расследования узнать
какие-то факты, не подлежащие разглашению.

Но перед отъездом Де Квинси и Эмили решают посетить
богослужение в церкви Святого Иакова — и становятся свиде-
телями изошренного убийства, первого в длинной цепи.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

© С. Б. Удалин, перевод, 2016
© М. А. Акимова, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15333-2

*Гревелу Линдону и Роберту Моррису,
моим проводникам в мире Томаса Де Квинси,
а также историку Джудит Фландерс,
сопровождавшей меня в прогулках
по темным улицам Викторианской эпохи*

Вступление

Мы воспринимаем как данность строгие законы, регламентирующие продажу наркотических средств. Тем удивительнее узнать, что на протяжении почти всего XIX века в Британской империи и Соединенных Штатах можно было абсолютно легальным путем приобрести опиум, из которого получают героин и морфий.

Его продавали аптекари, мясники, бакалейщики и даже разносчики газет. Спиртовой раствор (как правило, использовали бренди) опиийного порошка назывался лауданум. Это снадобье можно было найти в каждом доме, как, например, таблетки аспирина в наши дни. Опиум был единственным (не считая алкоголя) доступным болеутоляющим средством и назначался при мигрени, менструальных болях, расстройстве желудка, сенной лихорадке, отитах, судорогах, коликах у детей, раке и любых других хворях.

Томас Де Квинси, один из самых блистательных и скандально известных литераторов XIX века, в первый раз попробовал этот препарат еще в юности, мучаясь зубной болью. Вот как описал он испытанную при этом эйфорию: «Бездна божественного наслаждения... панацея от всех человеческих невзгод... секрет счастья»¹. В течение восьми лет он время от времени принимал лауданум, однако к двадцати восьми годам оказался в пожизненной зависимости

¹ *Томас Де Квинси. Исповедь англичанина, употреблявшего опиум. — Здесь и далее примечания переводчика.*

от него. В те времена еще не знали о физиологическом и психологическом привыкании к наркотикам. Считалось, что любой человек, обладающий твердым характером и самодисциплиной, способен порвать с пагубным пристрастием. Общественное мнение осуждало не сумевшего остановиться Де Квинси за отсутствие силы воли, несмотря на то что отказ от опиума заставлял его «мучиться, корчиться, дрожать, трепетать и терзаться... походить на человека на дыбе»¹.

В 1821 году, в возрасте тридцати шести лет, Де Квинси опубликовал «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум», которая потрясла всю Англию. Своей искренностью эта первая в мире книга о наркотической зависимости создала автору дурную репутацию. Хотя многие страдали от той же напасти, они не решались признаться в этом, опасаясь всеобщего осуждения. Между тем препарат перестал оказывать на Де Квинси целительное действие, и тому приходилось бесконечно увеличивать дозу лишь для того, чтобы поддерживать свое существование. Столовая ложка лауданума способна убить непривычного к наркотику человека, Де Квинси же, находясь на пике зависимости, принимал по шестнадцать унций в день и только после этого чувствовал себя более или менее сносно. По словам одного из друзей, он «поглощал опийные пилюли из табакерки, как другой грыз бы орешки».

Препарат вызывал у Де Квинси кошмарные видения, которые повторялись еженощно и длились целую вечность. Все горести и утраты, понесенные в жизни, призраки умерших родных и возлюбленных продолжали преследовать Де Квинси в этих кошмарах, открывая для него безграничный и ужасный внутренний мир, «пропасти и темные бездны, глубины, что глубже всякой глубины»². Де Квинси первым, за семьдесят лет до «Толкования сновидений» Фрей-

¹ *Томас Де Квинси. Исповедь англичанина, употреблявшего опиум.*

² Там же.

да, начал исследовать подсознание. Фактически именно он придумал термин «подсознание» и описал «некую пакостную чужеродную сущность»¹, скрытую в потайных уголках разума и неизвестную не только посторонним, но и самому человеку.

Де Квинси обладал и еще одним удивительным талантом. Он был настоящим экспертом во всем, что касалось убийств.

¹ *Томас Де Квинси. Английская почтовая карета.*

В душе убийцы (такого убийцы, к которому может снизойти поэт) должна бушевать настоящая буря страстей: ревность, честолюбие, вражда, мстительность образуют в ней крошечный ад, и в этот ад нам предстоит заглянуть.

Томас Де Квинси. О стуке в ворота у Шекспира («Макбет»)

Глава 1

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Лондон, 1855 год

Если не считать посещения театров и клубов, добропорядочные обитатели самого большого города в мире старались не выходить из дома после заката, который в тот холодный субботний вечер, третьего февраля, наступил без шести минут пять.

Изысканно одетый джентльмен остановился под газовым фонарем и сверился с серебряными карманными часами, выставленными по хронометру Королевской Гринвичской обсерватории. Они показывали именно такое время. Сколь бы горькие уроки ни получал от жизни этот человек, какие бы мрачные мысли ни таились в его голове, он неизменно сохранял респектабельный вид. За последние пятнадцать лет не случилось ни единого дня, когда гнев не обуревал бы его. Однако джентльмен никому не позволял раньше времени догадаться, что творится у него в душе, предпочитая насладиться потрясением тех, на кого внезапно обрушивал свою ярость.

Сейчас он стоял на Конституишен-хилл, разглядывая мрачный фасад Букингемского дворца. За плотно занавешенными окнами тускло горели огни. Четыре дня назад в правительстве разразился кризис ввиду вопиющей халатности кабинета в ходе Крымской войны, и в эти минуты королева Виктория, несомненно, консультировалась со сво-

им Тайным советом. Мелькнувшая в одном из окон тень принадлежала либо ей самой, либо, что вероятнее, ее мужу, принцу Альберту. Джентльмен затруднялся определить, кого из супругов он ненавидит в большей степени.

Звук приближающихся шагов заставил его обернуться. Из тумана появился констебль в высоком шлеме. Джентльмен продолжал сохранять хладнокровный вид, когда полицейский навел на него фонарь, по большей части сосредоточив внимание на одежде. Цилиндр, пальто и брюки — все выглядело безукоризненно. Еще несколько лет назад могла бы вызвать подозрение бородака джентльмена — на самом деле накладная, — но сейчас такие как раз приобрели популярность в приличном обществе. И даже черная трость с серебряной шарообразной рукояткой была изготовлена по последнему слову высокой моды.

— Добрый вечер, сэр. Если позволите, я бы не советовал вам здесь задерживаться, — предупредил полицейский. — Опасно гулять в темноте одному, даже в этом районе.

— Благодарю вас, констебль. Пожалуй, мне действительно лучше поспешить.

Притаившийся за оградой Грин-парка юноша в поношенной матросской блузе наконец-то услышал приближение потенциальной жертвы. Он уже почти примирился с мыслью, что никто так и не отважится прогуляться в одиночку по затянутой туманом улице, но в то же время понимал: только туман может укрыть его самого от глаз констебля, который проходит мимо каждые двадцать минут.

Убедившись, что это не тяжелые шаги патрульного, юноша приготовился к самому отчаянному поступку в своей жизни. Он трижды ходил на Восток на корабле Британской Ост-Индской компании, выдержав ужасные шторма и приступы тропической лихорадки, но прежние испытания были сущими пустяками в сравнении с нынешним рискованным мероприятием, которое грозило ему виселицей. Он

лишь молился, чтобы желудок не заурчал от голода и не выдал его раньше времени.

Шаги звучали все громче, из тумана появилась шляпа-цилиндр. Стараясь справиться со слабостью, юноша вышел из-за дерева, ухватился за чугунную ограду парка и перепрыгнул через нее, оказавшись лицом к лицу с прохожим. В тусклом свете ближайшего фонаря он разглядел темную бородку джентльмена.

— Только без шума, приятель, — произнес юноша, показывая дубинку. — Гони кошелек, а то худо будет.

Джентльмен покосился на его изодранную и грязную одежду.

— Я сказал, гони кошелек, — поторопил прохожего паренек, прислушиваясь, не возвращается ли констебль. — И побыстрее. Я повторять не стану.

— Здесь довольно темно, но вы все-таки посмотрите внимательно мне в глаза.

— Ты скоро закроешь их навсегда, если не отдашь кошелек.

— Вы видите в них страх?

— Сейчас увижу. — Юноша замахнулся дубинкой.

С неожиданной стремительностью джентльмен развернулся и рубанул тростью по запястью грабителя, выбив дубинку. Тут же последовал удар по затылку, и юноша рухнул на землю.

— Лежите и не двигайтесь, если не хотите, чтобы я продолжил, — предупредил джентльмен.

Сдерживая стон, юноша обхватил пульсирующую от боли голову.

— Прежде чем нападать, обязательно посмотрите в глаза противнику и убедитесь, что ваша воля сильнее. Будьте добры, назовите ваш возраст.

— Восемнадцать, — ответил юноша, сбитый с толку вежливым обращением джентльмена.

— Как вас зовут?

Паренек молчал, дрожа от холода.

— Говорите же. Только имя. Оно вас никоим образом не выдаст.

— Ронни.

— Вероятно, Рональд? Если хотите чего-то добиться в жизни, всегда представляйтесь полным именем. Повторите еще раз, как вас зовут.

— Рональд.

— Вам было больно, но хватило духу не закричать, чтобы не привлечь внимание констебля. Такая сила воли заслуживает поощрения. Давно вы ели в последний раз?

— Два дня назад.

— Ваш пост закончился. — Джентльмен бросил на мостовую пять монет.

Рональд попытался рассмотреть их в полумраке. К его удивлению, это оказались не пенсы и даже не шиллинги, а золотые соверены. Юноша ошеломленно уставился на неожиданное богатство. За один соверен ему бы пришлось работать как проклятому не меньше недели, а сейчас перед ним лежали целых пять.

— Хотите получить еще, Рональд?

Юноша сжал монеты в кулаке:

— Да.

— Запомните адрес: Уоппинг, Гарнер-стрит, дом двадцать пять. — Это был самый глухой уголок Ист-Энда, в невообразимой дали от величественного Грин-парка. — Повторите.

— Уоппинг, Гарнер-стрит, дом двадцать пять.

— Приходите туда завтра к четырем часам. Но сначала купите себе теплую одежду. Скромную, не бросающуюся в глаза. Вы можете принять участие в великом деле. Но только попробуйте кому-нибудь проболтаться, и вам, выражаясь вашими же словами, будет худо. Посмотрим, хватит ли вам теперь духу не упустить лучшее предложение в жизни.

Вдали послышались тяжелые шаги.

— Это констебль. Ступайте, — велел бородатый джентльмен. — Не разочаруйте меня, Рональд.

В животе у юноши опять заурчало. Еще не веря в свою удачу, он скрылся в тумане, зажав в кулаке пять драгоценных совершенов.

Джентльмен двинулся дальше по Конституишен-хилл. Теперь на циферблате было восемь минут шестого. Часы его помощников — также выставленные по хронометру Гринвичской обсерватории — должны были показывать то же время. Все шло по графику.

У Пикадилли джентльмен повернул направо в сторону Мейфэра, одного из самых уважаемых районов Лондона. Он ждал целую вечность, чтобы насладиться предстоящими событиями. Готовясь к ним, прошел через невообразимые муки. Теперь его снедало нетерпение, но он сохранял размеренную поступь, не желая поспешностью испортить себе удовольствие.

Даже в тумане джентльмен без труда находил дорогу. Он сотни раз мысленно воскрешал в памяти этот маршрут. Именно здесь пятнадцать лет назад, еще совсем мальчишкой, он метался сначала направо по Пикадилли, затем налево по Хаф-Мун-стрит и снова налево на Керзон-стрит, умоляя: «Прошу вас, сэръ, помогите!» — «Прочь отсюда, грязный оборванец!»

Эхо тех мучительных воспоминаний все еще звучало у него в голове, когда он достиг улицы, носящей название Честерфилд-хилл. Джентльмен остановился возле чугунной ограды, за которой в свете фонаря виднелось крыльцо с пятью каменными ступенями, ведущими к дубовой двери. Дверной молоточек был отлит в форме головы геральдического льва.

Крыльцо недавно мыли. Чтобы не оставить следов, джентльмен очистил подошвы ботинок о скребок в ограде. Затем сжал в руке трость, открыл ворота и поднялся

по ступенькам. Стук молоточка гулким эхом прокатился по дому.

Кто-то подошел к двери с внутренней стороны. На мгновение джентльмену показалось, что мир у него за спиной растворился в тумане, время остановилось, а сам он заперт в темном чулане вселенной. Затем загремел засов, скрипнула, открываясь, дверь, и джентльмен поднял трость с серебряным набалдашником.

Дворецкий удивленно воззрился на посетителя:

— Его светлость никого не ждет сегодня.

Джентльмен вложил в удар всю свою силу. Серебряный набалдашник пробил голову дворецкому, и тот повалился на мраморный пол. С торжествующе бьющимся сердцем джентльмен вошел внутрь и закрыл дверь. Несколько быстрых шагов привели его в просторный холл.

Молодая служанка у подножия лестницы с узорчатыми перилами остановилась и озадаченно нахмурилась, явно недоумевая, почему гостя не сопровождает дворецкий. Джентльмен снова взмахнул тростью и почувствовал, как серебряный шар вонзается в череп девушки. С коротким предсмертным стоном служанка рухнула на пол.

Джентльмену не раз приходилось бывать в этом доме, не пряча лицо под накладной бородкой. Он прекрасно знал расположение помещений. Устранение прочих слуг не отнимет много времени. А потом он сможет заняться хозяевами дома и получить настоящее удовлетворение. Не выпуская из руки трость, он продолжил великое дело, ради которого пришел сюда.

Воспоминания надо подстегивать.

Виновные должны понести наказание.

Глава 2

КРЫТАЯ МОДЕЛЬНЯ

Церковь Святого Иакова выглядит даже чересчур скромно для юго-восточной части респектабельного Мейфэра. Ее возвели по проекту сэра Кристофера Рена, но с виду трудно догадаться, что тот же архитектор создал и великолепный собор Святого Павла: слишком велик контраст. Трехэтажное здание с узким фасадом построено из обычного красного кирпича. Украшает его лишь башня с часами, медным шаром и флюгером.

Ровно в одиннадцать утра зазвонили колокола. Состоятельные прихожане подъезжали в роскошных экипажах, собираясь к воскресной службе. Ожидался особый гость, призванный развеять вызванное войной уныние, так что церковь заполнялась непривычно быстро. Сквозь высокие окна пробивались солнечные лучи и, отражаясь от белых стен, озаряли внутреннее убранство величественным сиянием. Церковь Святого Иакова как раз и славилась этим чудесным эффектом.

Вошедшая в двери группа из четырех человек сразу привлекла всеобщее внимание. Помимо того что все они были чужаками, двое из них отличались непривычно высоким ростом — почти в шесть футов против обычных для взрослого мужчины пяти футов и семи дюймов. Третий незнакомец, напротив, оказался на удивление низкорослым — не выше пяти футов.

Одежда вошедших также вызвала недоумение. Двое высоких мужчины носили мешковатые повседневные ко-

стюмы, неуместные среди парадных сюртуков собравшейся в церкви публики. Их низкорослый пожилой спутник, по крайней мере, попытался одеться сообразно случаю, но потертые обшлага и лоснящиеся локти рукавов сразу выдавали в нем обитателя другого, менее благополучного района.

Четвертой была миловидная девушка, вероятно чуть старше двадцати, — что могли подумать о ней прихожане? Вместо модного платья с кринолином и пышными атласными оборками на ней красовалась свободно ниспадающая юбка поверх похожих на длинные панталоны дамских брюк, насмешливо именуемых в газетах «блумерсами». Наряд почти не скрывал очертания ног, и по церкви пробежал недовольный ропот.

Он лишь усилился, когда один из высоких мужчин снял головной убор, напоминающий кепку газетчика. Под ней оказались рыжие волосы.

— Ирландец, — забормотали прихожане.

На подбородке другого крупного чужака красовался старый шрам, несомненно указывающий на темное прошлое.

Вопреки ожиданиям, разношерстная четверка не остановилась в дальнем конце нефа, где обычно размещались слуги и другие простолюдины. Вместо этого голубоглазая девушка с каштановыми локонами, выбившимися из-под шляпки, направилась к старшей ключнице Агнес Барретт.

Шестидесятилетняя седая женщина в очках за долгие годы поднялась от младшей помощницы до хранительницы самых важных ключей. Ходили слухи, что вознаграждение, которое она получила за время службы от прихожан, составило внушительную сумму в три тысячи фунтов. Впрочем, Агнес честно их заслужила, поскольку лучше любого другого умела заботиться о частных молебнях: всегда тщательно протирала дубовые скамьи, взбивала подушки и прочая, и прочая.

Почтенная служительница с озадаченным видом ждала, когда девушка в неуместном наряде подойдет ближе. Воз-

можно, бедняжка просто заблудилась. Или хотела спросить дорогу к другой, более подходящей для нее церкви.

— Будьте добры, покажите нам молельню лорда Палмерстона¹, — произнесла девушка.

Агнес раскрыла рот от изумления. Должно быть, она ослышалась? Неужели странное юное создание действительно назвало имя лорда Палмерстона? Ведь он один из самых влиятельных политиков в стране.

— Простите, что вы сказали?

— Покажите нам место лорда Палмерстона, если вас не затруднит. — Докучливая незнакомка протянула ключнице записку.

Агнес прочитала ее с возрастающим недоумением. Несомненно, сообщение было написано рукой лорда Палмерстона и самым недвусмысленным образом позволяло странно одетой четверке занять его личную молельню. Но ради всего святого, как мог его светлость опуститься до подобных знакомств?

Стараясь ничем не выдать свою тревогу, Агнес перевела взгляд на низкорослого пожилого чужака. У него были такие же пронзительно-голубые глаза, как и у девушки, да и волосы тоже сохраняли светло-каштановый оттенок. Отец и дочь, заключила Агнес. Мужчина держался напряженно, стиснув руки и переминаясь с ноги на ногу. Несмотря на холодное февральское утро, лоб у него блестел от пота. Уж не болен ли он?

— Ступайте за мной, — проворчала Агнес и направилась по центральному проходу в сторону алтаря.

Здесь частные молельни именовались кабинками. В отличие от рядов обычных скамей, перед алтарем пространство между проходами делилось на квадратные участки размером восемь футов, огражденные барьером высотой до пояса. Внутри каждой кабинки находились

¹ *Генри Джон Темпл, лорд Палмерстон* (1784–1865) — знаменитый английский государственный деятель.

собственно скамьи, на которых могла разместиться вся семья ее владельца. Обстановка больше напоминала уютную гостиную: мягкие подушки, ковры на полу. В некоторых кабинках даже стояли столики, куда можно было положить цилиндр, перчатки или свернутый плащ.

Молельня лорда Палмерстона располагалась справа от центрального прохода в первом ряду, прямо перед алтарем. Никогда еще дорога к ней не казалась Агнес такой долгой. Служительница смотрела строго перед собой, но чувствовала, что внимание всех собравшихся в церкви обращено сейчас на нее и странных незнакомцев, идущих следом. Она дошла до беломраморной алтарной ограды, развернулась, долго искала под неодобрительными взглядами прихожан нужный ключ и наконец отперла дверцу в кабинку лорда Палмерстона.

— Если бы его светлость предупредил заранее, я бы все подготовила к вашему приходу, — принялась оправдываться Агнес. — Я даже угольную печурку не успела разжечь.

— Не стоит беспокоиться, — заверила ее девушка. — Здесь намного уютнее, чем в нашей церкви в Эдинбурге. Мы не могли арендовать там такую же молельню и всегда стояли в задних рядах.

«Стало быть, она из Шотландии, — подумала Агнес. — А один из спутников — ирландец. Это многое объясняет».

В кабинке лорда Палмерстона стояли три скамьи со спинками. Двое высоких мужчин устроились на средней из них. Девушка и ее отец заняли переднюю. Даже сидя, старик продолжал шевелить ногами.

Агнес заставила себя вежливо поклониться, снова звякнула ключами и направилась в сторону притвора, где к ней кинулся не менее озадаченный церковный староста.

— Знаете, кто этот коротышка? — спросил он, тщетно пытаясь сохранить хладнокровие.

— Понятия не имею, — ответила Агнес. — Могу лишь сказать, что ему не мешало бы привести одежду в божеский вид.

— Это же Любитель Опиума!

Почтенная ключница опять решила, что ослышалась.

— Любитель Опиума? Томас Де Квинси?

— В декабре, когда случились те убийства, я видел его портрет в «Иллюстрийтед Лондон ньюс». Мне стало до того любопытно, что я отправился в магазин, где, как уверяла газета, он подписывал свои книги каждому покупателю. Недостойный способ заработать себе на хлеб, скажу я вам.

— Только не говорите, что он подписывал ту самую книгу! — Агнес даже понизила голос, упоминая скандально известную «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум».

— Он готов был подписать что угодно, если на обложке стояло его имя и кому-нибудь вздумалось купить экземпляр. А эта девушка в неподобающей одежде — его дочь. Тогда, в магазине, как только он тянулся в карман за бутылкой, она тут же подавала чай, чтобы отвлечь его.

— Боже милосердный! — охнула Агнес. — Так вы думаете, в бутылке был лауданум?

— А что же еще? Пока я находился в магазине, он выпил не меньше пяти чашек чая. Вообразите себе, сколько лауданума он успел бы принять, если бы дочь не стояла рядом. Надеюсь, не нужно объяснять, что сам я не купил ни одной его книги?

— Нет, что вы. Кому захочется по доброй воле читать эту отвратительную писанину, не говоря уже о том, чтобы покупать ее? Помилуй нас, Боже! Томас Де Квинси, Любитель Опиума, здесь, в церкви Святого Иакова!

— И это еще не все.

Агнес слушала старосту со все бóльшим смутением.

— Один из тех двоих, что с ним пришли, — детектив из Скотленд-Ярда.

— Быть того не может!

— Каждое утро я прогуливаюсь по Пикадилли мимо особняка лорда Палмерстона. И тот из мужчин, что помоложе, ежедневно является туда ровно в девять. Я сам слы-

шал, как привратник называл его «сержант уголовной полиции».

— Уголовной полиции? Надо же!

— А еще я слышал, как привратник говорит с ним о другом детективе, вероятно раненном при поимке декабрьского убийцы. И тому второму оказывают врачебную помощь в доме лорда Палмерстона. Где, к слову сказать, обитают и Любитель Опиума со своей дочерью.

Агнес побледнела:

— Куда катится этот мир?

Впрочем, она не могла позволить себе долго сокрушаться. Вот-вот должен был приехать обещанный особый гость. Да и другие привилегированные прихожане начали нетерпеливо поглядывать на нее, дожидаясь, когда она наконец откроет их личные кабинки. Агнес сжала в руке связку ключей и направилась к ближайшему недовольному посетителю. Однако утро оказалось богатым на неожиданности. Мгновением позже почтенная ключница увидела, как в парадную дверь заходит сама Смерть.

В середине Викторианской эпохи к похоронным обрядам относились со всей серьезностью. Безутешная вдова, дети и родственники усопшего удалялись от мира, запираясь в четырех стенах собственного дома, и долгие месяцы носили траурную одежду. Вдове полагалось соблюдать траур по меньшей мере целый год и еще один день.

Оттого Агнес так поразило зрелище, которому она стала свидетельницей. Ошеломленные прихожане пяtilись от сурового худоцавого мужчины, чьи сюртук, жилет и даже брюки были чернее черного. Королева Виктория и принц Альберт не одобряли в мужской одежде никаких других оттенков, кроме черного, серого и темно-синего, поэтому выделиться мрачностью наряда среди господ, собравшихся в церкви Святого Иакова, было довольно затруднительно. Однако в сравнении с одеждой незнакомца строгие костю-

мы остальных прихожан казались едва ли не праздничными. Ко всему прочему, он носил самые черные перчатки, какие только можно представить, обвязал цилиндр траурной лентой и накинул на плечи черный плащ.

В подобной одежде, говорящей о невыносимо тяжелой утрате, не принято было появляться на публике, за исключением самих похорон горько оплакиваемого усопшего. Одевшись подобным образом к воскресной службе, мужчина поневоле привлек к себе всеобщее внимание.

Незнакомец появился не один. Он держал под руку женщину преклонных лет, судя по согбенной спине, в траурном одеянии, также выражающем глубокое горе. Жатый креп черного как ночь платья не отражал солнечный свет. Лицо женщины закрывала черная вуаль. Рука в черной перчатке прижимала к губам черный платок.

— Прошу вас, откройте нам моленную леди Косгроув, — обратился к Агнес мужчина.

— Леди Косгроув? — Ошеломленная служительница только теперь поняла, кто стоит перед нею. — Силы небесные, что случилось?

— Прошу вас, — повторил мужчина в черном.

— Но леди Косгроув прислала мне записку, что пропустит сегодняшнюю службу. Я не подготовила кабинку к ее приходу.

— У леди Косгроув большое горе, ей сейчас не до таких мелочей, как небрежная моленная.

Не дожидаясь ответа, мужчина повел свою неуверенно ступающую спутницу вдоль центрального прохода. Агнес снова почувствовала на себе взгляды прихожан и услышала взволнованный шепот за спиной. Дойдя до ограды алтаря, она повернула направо и миновала место лорда Палмерстона, занятое странной компанией во главе с Любителем Опиума. Маленький человечек по-прежнему беспокойно перебирал ногами.

Молельня леди Косгроув располагалась у правой стены. За долгие годы кабинка приобрела самый обстоятельный вид во всей церкви. Установленные в каждом углу столбы поддерживали балдахин. В холодную погоду можно было задернуть занавес, закрывая кабинку с трех сторон, за исключением обращенной к алтарю. Впрочем, владельцы нередко задвигали шторы и в теплые дни — якобы для того, чтобы взгляды других прихожан не мешали им молиться, хотя, вполне возможно, на самом деле они там просто дремали.

Агнес открыла дверцу, и леди Косгроув отняла от лица черный платок.

— Благодарю вас, — сказала она суровому мужчине.

— Всегда к вашим услугам, леди Косгроув, — ответил тот. — Примите мои глубочайшие соболезнования. — Он протянул ей черный конверт.

Дама скорбно кивнула и села на первую из трех установленных внутри кабинки скамей.

За спиной у Агнес послышалось деликатное покашливание. Возле алтарной двери стоял священник, готовый начать службу. Орган заиграл «Сын Божий вышел на войну»¹, голоса певчих зазвенели под сводом церкви. Все с шумом поднялись с мест. Агнес поспешила вернуться в притвор, а когда обернулась, чтобы осведомиться у мужчины в трауре о горе, постигшем леди Косгроув, то, к собственному удивлению, нигде его не нашла.

«Куда же он мог подеваться?» — недоуменно подумала служительница, но тут же увидела алый мундир особого гостя, ожидающего за дверью, и с трудом уняла сердечный трепет.

Сын Божий вышел на войну
Для праведных побед.

¹ Религиозный гимн Реджинальда Хибера (1783–1826).

Под торжественные аккорды величественного гимна преподобный Сэмюэл Хардести подошел к алтарю, склонил перед ним голову и обернулся к прихожанам.

Он с гордостью оглядел свою паству. Служители и простолудины стояли в задних рядах, благородные и состоятельные прихожане расселись на скамьях. С минуты на минуту должен был появиться особый гость. Викарий заметил четверых бедно одетых чужаков, явно не из Мейфэра, занявших кабинку лорда Палмерстона, и постарался скрыть смущение под лучезарной улыбкой.

С крайней левой стороны от него располагалась молельня леди Косгроув, и викарий испытал еще одно потрясение при виде траурного наряда владелицы. Она распечатала черный конверт и прочитала письмо, не поднимая вуали. После чего со скорбным видом поднялась с места и задернула занавес сначала с задней стороны кабинки, а затем и с боков.

Теперь ее горе не мог лицезреть никто, кроме викария. Она опустила на колени и склонила голову, касаясь лбом ограждения.

Алый сполох привлек внимание священника к дверям церкви.

Цветное пятно становилось все ярче и заметнее. Сквозь толпу уверенно шел привлекательный светловолосый молодой человек в офицерском мундире с блестящими латунными пуговицами. Гордая осанка придавала ему бравый и решительный вид, но лицо оставалось задумчивым, а в умных внимательных глазах затаилась боль, о причинах которой нетрудно было догадаться. Раненая правая рука молодого офицера висела на перевязи, так что сохранять армейскую выправку ему, вероятно, стоило немалого труда. Сопровождала его прелестная девушка со своими родителями.

Особым гостем являлся полковник Энтони Траск, о чьих подвигах в Крымской войне шумел весь Лондон. Во время

осады Севастополя этот храбрый офицер собственноручно отправил в мир иной не меньше тридцати вражеских солдат. Когда у него закончились патроны, полковник Траск со штыком наперевес повел своих людей в победоносную атаку по залитому кровью склону. Он вселил уверенность в уставших бойцов, отразив с полдюжины контратак противника. Мало того, он еще и спас жизнь попавшему в окружение герцогу Кембриджскому, кузену самой королевы.

По возвращении героя в Лондон королева Виктория произвела его в рыцари. Как сообщила «Таймс», когда ее величество назвала Траска «сэр» в соответствии с новым титулом, полковник попросил по-прежнему обращаться к нему по воинскому званию: «В знак уважения к храбрым солдатам, бок о бок с которыми я сражался, и в особенности к тем, кто погиб на этой проклятой войне». Королева побледнела, услышав вульгарное словцо, и Траск поспешно добавил: «Простите мой грубый язык, ваше величество. Эта привычка осталась у меня со времен строительства железной дороги». Следует сказать, что Траск не только строил железную дорогу, но и владел ею вместе с отцом, сколотив немалое состояние. Богатый, привлекательный, храбрый — поговаривали, что все молодые аристократы Лондона люто ненавидят его за очевидную безупречность.

Под торжественные звуки гимна полковник со своими спутниками прошел к переднему ряду. Агнес отперла дверцу кабинки, и молодой офицер помог прекрасной девушке и ее родителям занять место на скамье.

Орган грянул заключительный аккорд, и церковь Святого Иакова погрузилась в благоговейную тишину.

Преподобный Сэмюэл Хардести широко улыбнулся:

— Я счастлив приветствовать всех собравшихся, и в особенности — полковника Траска, чей героизм так воодушевляет нас.

Многие прихожане вскинули было руки, чтобы зааплодировать, но вспомнили, где находятся, и сдержали порыв.

Литературно-художественное издание

ДЭВИД МОРРЕЛЛ
ИНСПЕКТОР МЕРТВЫХ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин

Редактор Светлана Лисина

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Корректоры Нина Тюрина, Лариса Ершова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.05.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-МВД-23712-02-Р